

* * *

Пером и кистью по зиме
Позёмка пишет акварели.
Дрожат ресницы старой ели
И серебрятся в полутьме.

Пузатый чайник на плите
Пыхтит, вздыхает и бормочет,
Как будто мне напомнить хочет
О законной красоте.

С зеленоглазою луной
Играет старый кот в гляделки.
Вживаюсь в роль ночной сиделки,
Поскольку сам себе — больной.

Звездам нет счёта, бездне — дна —
От белой зависти немею,
И всё же выдохнуть посмею:
Россия — это тишина.

* * *

Апрельское утро грачами озвучено.
Уходит в подлесок туман, не спеша.
Ещё две недели — и скрипнет уключина,
И лодка пригладит вихры камыша.

И в небе проклюнется первая радуга,
И рыба пойдёт нереститься в луга.

Ещё две недели — и синяя Ладога
Натешится вволю, подмяв берега,

И ветер с Невы — аж до самого Таллина!
Молву донесёт... А пока среди льдин,
Как спящая женщина, дышит проталина
С лиловым цветком на высокой груди.

* * *

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
Здесь время не идёт, а тянется, как мёд.
На капли молока, пролитые на небо,
Во все глаза глядит ленивый рыжий кот.

Его пра-пра-пра-пра... якшался с фараоном.
Он по-кошачьи мудр. Он доктор всех наук.
По одному ему лишь ведомым законам
Он выскользнуть сумел из цепких детских рук.

Он знает, почему туман сползает с кручи,
И то, о чём поют метёлки тростника.
А я у костерка под ивой неплакучей
Никак не разберусь — зачем течёт река?

День-день, день-день, день-день — проснулся сторожок!
(Похоже, крупный лещ польстился на наживку...)
Удилище — в дугу! Он сам себя подсёк!
Я вывожу его... как кралю, на тропинку.

И вот он — золотой! Должно быть, в два кило...
Танцует на песке последний в жизни танец.
Украинская ночь вздыхает тяжело,
И на её щеках — предутренний румянец.

Лизнула сапоги днепровская волна,
И лец пошёл, пошёл, качаясь с бока на бок...
Иди — мне жизнь твоя сегодня не нужна.
И сладок этот миг, и ветер тёплый — сладок!

Марине

1

Расскажи мне о море, расскажи о балтийских штормах,
О янтарной сосне, догорающей в топке заката,
О кочующих дюнах на острове Сааремаа,
О любви, что, как чайка, свободна, легка и крылата.

Разбуди, зацелуй, уведи за собой по волнам
В неразгаданный мир, где туманы ложатся под ноги,
Где о чёрные скалы когда-то разбилась луна,
Где, согласно легендам, живут белокурые боги.

Расскажи, расскажи о грустинках в углах твоих губ...
(Я их видел однажды, когда ты играла с волною).
Надвигается шторм... Ветер северный весел и груб —
Обнимает тебя и хохочет всю надо мною!

2

Перебранка полешек, бормотанье огня,
И волос твоих рыжих волнующий запах...
Я тебя назову — свет осеннего дня,
Или, лучше, — предзимье на заячьих лапах.

А ещё — из камина возьму уголёк,
И на белом листке (только бы не проснуться!)
В простоте напишу всего несколько строк,
До которых потом не смогу дотянуться.

Полутон, полужест — между явью и сном —
(Только ты помолчи, а иначе — разбудишь!)
Это снег! Это — первый, большой за окном!
Я его полюблю, так, как ты его любишь!

* * *

Синее, синее, синее —	Солнце не жжёт, как оса.
Из невозможных глубин...	У разбитной Феодосии
Береговая линия,	Рыжий каштан в волосах.
И Александр Грин.	Вечер. Погодка купальная —
Что-то ещё... По осени	Пристань, кефаль, невода...

Не акварелька астральная — (Слышишь, как сердце стучит...)
А с огоньками вода. Грустное... Неповторимое...
Что-то ещё... Раннимое... И наизусть заучить!

Полнолуние

Свет лампы портьерами выпит.
Стушается синяя жуть.
Сегодня — не мой выход.
И всё-таки я выхожу:

Простим их — убогих и сирых,
Расхитивших земли отцов...
Лишь женщины града и мира
Твоё повторяют лицо.

По клавишам стертых ступеней,
По тучам, по звёздам — туда,
Где слышится тихое пенье...
Сейчас или никогда!

Ты кровь поднимаешь по венам,
Склонившись над ними во сне.
Они из телесного плена
Восходят к тебе в тишине.

К чертям все слова проходные —
В поэзии грош им цена.
Плевать, что мужчины земные
Тебя называют — Луна.

Уходят всё выше и выше,
И нет в них ни капли вины.
Я знаю — они тебя слышат!
И вот уж — совсем не видны...

* * *

Опустилась на кончик пера
Паутинка прошедшего лета.
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра.

Только свет и полет мотылька...
Ни истерик тебе, ни мистерий!
Я — смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка.

* * *

Событий у нас маловато.
Зима вот случилась вчера...
Соседи достали лопаты
И выгнали снег со двора.

Уколы запомнил, микстуры —
И прочая там беготня...
А сестры — ну полные дуры!
Еще и лечили меня:

А мой — развеселенький, вкусный! —
Лежит себе, радует глаз.
Хрустит на зубах, как капуста.
Впервые, сегодня, сейчас!

Изрезали тюль на халаты,
Нарыли в шкафу рыбий жир...
У-у-у! Как же я жаждал расплаты!
Поэтому, видимо, жив.

Соседи, родные, Бог в помощь!
(Какой восхитительный слог!)
Я первый свой снег — несмышлениш —
Слизал с материнских сапог.

Событий у нас маловато...
Вдыхаю и тихо скорблю...
Соседи — опять за лопаты!
И я их за это люблю!

* * *

Бессмысленно былое ворошить —
Пока я к лучшей участи стремился,
Двадцатый век оттяпал полдуши
И треть страны, в которой я родился.

Приветствую тебя, средневековье!
Мне обжигает лоб печать твоя!
Я жгу стихи, мешаю пепел с кровью
И смазываю петли бытия.

И я тому, признаюсь, очень рад —
Похерив все небесные глаголы,
Кремлядь не прикрывает куцый зад,
И близятся костры Савонаролы.

О, как они скрипят! Послушай, ты,
Бегущий мимо к призрачному раю!
Я для тебя — в лохмотьях красоты —
На дудочке поэзии играю.

* * *

Наливаются яблоки, ветви пригнув до земли.
После долгих дождей в полный рост поднимаются травы.
Дядька в Киеве верит, что воду в Днепре москали
Отравили не корысти ради, а ради забавы.

Украинская полночь для дядьки — тиха и темна —
Лучше времени нет перепрятывать польское сало...
А ко мне в полнолуние приходит Олесь Бузина,
И вселенской тоской от Обводного тянет канала.

Он садится за стол и усмешкой коверкает рот,
И с пустого листа мои мысли наотмашь читает...
Дядька в Киеве верит, тоску буряковую пьет
И из сердца (меня!) пятерней на паркет выжимает...

* * *

Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушел, чтоб не нарушить наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.

Как в ржавых механизмах шестеренки,
Скрипят стихи — поэзия мертва.
Мы днем и ночью пишем похоронки
На без вести пропавшие слова.

* * *

Прилетел ветерок, и проснулась волна на лимане —
Вроде так, пустячок, ведь бывало такое не раз...
Но стоит Крымский мост и морзянит огнями в тумане,
И на этом вполне можно было закончить рассказ.

Но мерцает строка, за стальные цепляется сваи,
Перебранкой машин подтверждая рождение свое.
Теплоходик надсадно кричит, и как будто взлетает,
И соленую воду винтами железными бьет.

Разгорается день — на вчерашний совсем непохожий,
Приближая друг к другу влюбленные в жизнь берега.

И представить нельзя — можно только почувствовать кожей,
Что уже невозможно чужим поклоняться богам.

Так ликуй, человече! Ты смог, ты дерзнул, ты — достоин!
Говори в полный голос и полною грудью дыши!
Если инок — молись! Матерей защити — если воин!
Но дострой свою песню — иному сего не свершить!

* * *

Петь не умеешь — вой.	Пренебрегай толпой.
Выть не умеешь — молчи.	Не возноси жену.
Не прорастай травой, Падай звездой в ночи.	Помни, что твой кумир — СЛОВО, но не словцо...
Не уходи в запой. Не проклинай страну.	И удивленный мир Плюнет тебе в лицо!

* * *

Ветер замел под ковер облетевшей листвы
Милые глупости и разговоры о лете.
Перелиставший Сервантеса северный ветер
Жестью на крыше грохочет... Ах, если бы вы

Или другой кто-нибудь на веселой планете
Вместе со мной расплескал по страницам печаль.
Впрочем, о чем я? Никто за меня не в ответе —
Сею стихи — вырастает дамасская сталь.

Некто однажды сказал мне: «Иди, дождь с тобою...»
(Был он, признаюсь, смешон и довольно нелеп.)
После писал мне невнятное что-то из Трои
И наконец замолчал, потому что ослеп.

Чертово время! Бегу, как собака по следу,
За показавшими гонор и прыть в человечьих бегах.
Если сегодня же ночью я Троию спасти не уеду,
То на рассвете в «испанских» проснусь сапогах!

* * *

Блажен, кто по ночам не спит И времени не замечает, Кто сыт пустым недельным чаем, Кто знает — ДУХ животворит.	Кто на путях земного рая Взыскует скорбь в поводиры. Переосмысливаю быт. Переиначиваю строки. Когда горланят лжепророки, Поэт молчаньем говорит.
Блажен, кто верою горит И в этом пламени сгорает,	